

§ I. Необходимость конкуренции

Г-н Луи Рейбо, романист по профессии, экономист по случаю, запатентованный Академией гуманитарных и политических наук для ее антиреформистских карикатур, со временем стал одним из писателей, наиболее антипатичных социальным идеям; тем не менее, г-н Луи Рейбо, что бы он ни делал, глубоко пронизан теми же самыми идеями: противостояние, которое он заставляет взрываться, находится ни в его сердце, ни в его разуме; оно существует на самом деле.

В первом издании своих *«Исследований современных реформаторов»* г-н Рейбо, взволнованный зрелищем общественных страданий, как и смелостью основателей этой школы, которые в сопровождении вспышки сентиментальности поверили в то, что они могут реформировать мир, формально выразил мнение, что то, что всплывало из всех их систем, было АССОЦИАЦИЕЙ. Г-н Дюнойе, один из знатоков г-на Рейбо, опроверг это утверждение, тем более лестным для г-на Рейбо образом, что форма (опровержения) была слегка ироничной:

«Г-н Рейбо, который изложил с такой тщательностью и талантом в книге, которой удостоилась Французская академия, пороки трех основных реформистских систем, поддерживает принцип, общий для них и служащий их основой, — принцип ассоциации. — Ассоциация в его глазах, заявляет он, *самая большая проблема современности*. Он говорит, что она призвана разрешить вопрос о распределении плодов труда. Если для решения этой проблемы власть ничего не может сделать, ассоциация *может все*. Г-н Рейбо говорит здесь как писатель-фаланстер...»

Г-н Рейбо немного продвинулся, как мы видим. Наделенный слишком большим здравым смыслом и доброй волей, чтобы не видеть пропасть, вскоре он почувствовал, что сбился с пути, и начал отступать. Я не ставлю ему в вину этот разворот: г-н Рейбо — один из тех, кто не несет несправедливой ответственности за свои метафоры. Он сказал, прежде чем подумать, он отказался: что может быть более естественным! Если социалисты и возьмутся за когото, это будет г-н Дюнойе, который спровоцировал отречение г-на Рейбо этим единственным комплиментом.

Г-н Дюнойе не преминул заметить, что его слова попали не в закрытые уши. Он говорит нам, во славу добрых принципов, что «во втором издании *“Исследований современных реформаторов”* сам г-н Рейбо смягчил то, что в его выражениях могло звучать как абсолютное. Он сказал, вместо *“может все”*, *“может многое”*».

Это было важное изменение, как на это указал г-н Дюнойе, но которое все же позволяло г-

ну Рейбо одновременно написать: «Эти симптомы серьезны; мы можем рассматривать их как прогнозы неясной организации, в которой работа будет стремиться к равновесию и регулярности, которых ей не хватает... В основе всех этих усилий скрывается принцип, ассоциация, которую было бы неправильно осуждать за неравномерные проявления».

Наконец, г-н Рейбо объявил себя решительным сторонником конкуренции, а это значит, что он решительно отказался от принципа ассоциации. Ибо если под ассоциацией мы должны понимать только те формы общества, которые определяются кодексом правил торговли, и из которых г-да Троплон и Делангл сформировали для нас краткую философию, то больше не стоит отличать социалистов от экономистов, — партию, которая ищет ассоциацию, и партию, которая утверждает, что ассоциация существует.

Не стоит представлять себе, — потому что г-ну Рейбо пришло в голову опрометчиво сказать «да» и «нет» по вопросу, о котором он, кажется, еще не имел ясного представления, — что я причисляю его к этим спекулянтам социализма, которые, запустив в мир мистификацию, начинают тотчас отступать под предлогом того, что поскольку идея находится в общественном достоянии, они могут только позволить ей следовать по ее пути. Г-н Рейбо, на мой взгляд, относится скорее к категории простофиль, которая насчитывает в своем составе много порядочных и разумных людей. Поэтому в моих глазах г-н Рейбо останется «*vir probus dicendi peritus*» — добросовестным и толковым писателем, который вполне может удивляться, но никогда не выражает ничего, кроме того, что он видит и что испытывает. Кроме того, г-н Рейбо, однажды обосновавшись на почве экономических идей, тем не менее мог согласиться с самим собой, поскольку у него было больше ясности в уме и правильности в рассуждениях. Я проведу этот любопытный опыт на глазах у читателя.

Если бы я мог быть услышанным г-м Рейбо, я бы сказал ему: встав на сторону конкуренции, вы ошибетесь; встав на сторону тех, кто против конкуренции, вы тем более ошибетесь: это значит, что вы всегда правы. После этого, если, убедившись в том, что вы не просчитались ни в первом издании своей книги, ни в четвертом, и вам удастся сформулировать свои чувства в понятной форме, я буду считать вас экономистом, таким же гениальным, как Тюрго и А. Смит; но я предупреждаю вас, что тогда вы будете походить на второго из них, которого вы знаете, без сомнения, мало, и вы будете эгалитаристом! Принимаете пари?

Чтобы лучше подготовить г-на Рейбо к такому примирению с самим собой, давайте сначала покажем ему, что эта шаткость суждения, которой любой другой на моем месте упрекал бы его с оскорбительной колкостью, является предательством, исходящим не от самого писателя, но от фактов, которые он взялся интерпретировать.

В марте 1844 года г-н Рейбо опубликовал статью о масличных культурах — по теме, которая интересовала город Марсель, его родину, статью, в которой он решительно высказался за свободную конкуренцию и кунжутное масло [170]. Согласно исследованиям, проведенным автором и кажущимися достоверными, кунжут давал от 45 до 46 процентов масла, тогда как другая культура [171] и рапс дают только от 25 до 30 процентов, а оливковое (масло) только от 20 до 22. По этой причине кунжут вызывал недовольство у производителей Севера, которые послали запрос, но получили запрет. Тем не менее, англичане находятся в готовности захватить эту бесценную отрасль торговли. Пусть запретят семечки, говорит г-н Рейбо, масло вернется к нам в смешанном виде, в мыле или любым другим способом: мы

потеряли производственную прибыль. Кроме того, интерес нашего флота требует, чтобы эта торговля была защищена; речь идет минимум о 40,000 тонн семян, что подразумевает объем перевозок из 300 судов и 3000 моряков.

Эти факты убедительны: 45 процентов масла вместо 25; более высокое качество, чем во всей Франции; снижение цены на основной продукт питания; экономия для потребителей, 300 судов, 3000 моряков: вот что нам сулила свобода торговли. Следовательно, да здравствует конкуренция и кунжут!

Затем, чтобы лучше обосновать эти блестящие результаты, г-н Рейбо, руководствуясь своим патриотизмом и следуя прямо за своей идеей, отмечает очень разумно, по нашему мнению, что правительство отныне должно будет воздерживаться от любого договора о взаимности в перевозках: он просит, чтобы французский флот осуществлял как импорт, так и экспорт французской торговли. «То, что мы называем взаимностью, — говорит он, — является чистой фикцией, в которой преимущество остается тем, кому навигация обходится дешевле. Однако поскольку во Франции такие элементы кораблеводства, как покупка судна, заработная плата экипажей, расходы на вооружение и снабжение повышаются до слишком большого размера и превышают таковой в других морских странах, из этого следует, что любой договор о взаимности является для нас договором об отречении, и что вместо того, чтобы соглашаться на акт взаимного соответствия, мы сознательно или невольно смиряемся с жертвой». — Здесь г-н Рейбо подчеркивает катастрофические последствия взаимности: «Франция потребляет 500,000 тюков хлопка, и именно американцы доставляют их к нашим причалам; она использует огромное количество угля, и это англичане доставляют его; шведы и норвежцы доставляют нам свои металлы и лес; голландцы — их сыры; русские — их коноплю и пшеницу; генуэзцы — их рис; испанцы — их масла; сицилийцы — их серу; греки и армяне — все продовольствие Средиземноморья и Черного моря».

Очевидно, такое положение дел недопустимо, потому что оно делает наш торговый флот бесполезным. Так что давайте поторопимся вернуться в морской цех, в котором низкая цена на зарубежные перевозки стремится нас исключить. Закроем наши порты для иностранных судов или, по крайней мере, ударим по ним высокой ценой. Итак, долой конкуренцию и соперничающие суда!

Начинает ли г-н Рейбо понимать, что его экономико-социалистические колебания гораздо более невинны, чем он мог подумать? Как он должен быть мне благодарен за то, что я успокоил его совесть, вероятно, встревоженную!

Взаимность, на которую так горько жалуется г-н Рейбо, является лишь одной из форм коммерческой свободы. Сделайте свободу транзакций полной и целой, и наш флаг будет изгнан с поверхности морей, как наша нефть — с континента. Таким образом, мы будем платить больше за нашу нефть, если будем настаивать на ее производстве, больше за наше колониальное продовольствие, если хотим производить его с помощью машин. Чтобы добиться лучшей цены, нужно, отказавшись от наших масел, отказаться от нашего флота: тогда стоит сразу же отказаться от нашего сукна, нашего холста, нашего ситца, наших металлов; затем, поскольку изолированная промышленность стоит дороже, следует отказаться от наших вин, нашей пшеницы, наших кормов! Какую бы сторону вы ни выбрали, преимущество или свободу, вы придете к невозможному, к абсурду.

Без сомнения, договорной принцип существует; но если это не самый совершенный деспотизм, этот принцип должен исходить из закона, превосходящего саму свободу: это тот закон, который еще никто не определил и который я требую от экономистов, если они действительно воплощают науку. Ибо я не могу считать ученым того, кто с лучшей верой и со всем разумом мира проповедует по очереди, в пятнадцати направлениях, о свободе и монополии.

Разве не очевидно, с очевидностью непосредственной и интуитивной, что КОНКУРЕНЦИЯ РАЗРУШАЕТ КОНКУРЕНЦИЮ?

Есть ли в геометрии более определенная, более императивная теорема, чем эта? Как же тогда, при каких условиях, в каком смысле принцип, являющийся отрицанием самого себя, может войти в науку? как это может стать органическим законом общества? Если конкуренция необходима, если, как говорит школа, это постулат производства, как он становится таким разрушительным? И если его самый определенный эффект состоит в том, чтобы потерять то, что он приводит в движение, как это может стать полезным? Потому что последующие *издержки*, как и польза, которую он приносит, не являются случайностями, исходящими от действий человека: они логически вытекают, одно за другим, и существуют под одним названием лицом к лицу...

Для начала, конкуренция так же важна для труда, как и его разделение, поскольку само разделение возвращается в другой форме или, скорее, возводится во вторую степень; разделение, говорю я, уже не такое, как в первую эпоху экономического развития, адекватное коллективной силе, следовательно, поглощающее личность рабочего в цеху, но рождающее свободу, делая каждое подразделение труда суверенитетом, в котором человек проявляет свою силу и независимость. Словом, конкуренция — это свобода в разделении и во всех разделенных частях: начиная с самых всесторонних функций, она имеет тенденцию реализовываться даже при низком уровне фрагментарной работы.

Здесь коммунисты возражают. Нужно, говорят они, всегда отличать употребление от злоупотребления. Есть конкуренция полезная, честная, моральная, конкуренция, которая расширяет сердце и мысль, благородная и бескорыстная конкуренция, это соперничество; и почему же такое соперничество не должно иметь своей целью всеобщее благо?... Есть другая конкуренция, роковая, безнравственная, внеобщественная; конкуренция ревнивая, которая ненавидит и убивает, — это эгоизм.

Так говорит сообщество; так выразилась примерно год назад во исполнение своей функции общественного вероисповедания газета *La Réforme*.

Какое бы отвращение, которое я испытываю, я ни противопоставлял людям, чьи идеи в основном мои, я не могу согласиться с такой диалектикой. *La Réforme*, рассчитывая примирить все с помощью различия, более грамматического, чем реального, достигла, не подозревая об этом, середины, то есть худшего вида дипломатии. Ее аргументация в точности совпадает с аргументацией г-на Росси в отношении разделения труда: она состоит в том, чтобы противопоставить друг другу конкуренцию и мораль, чтобы ограничить одну другой, — так же, как г-н Росси пытался остановить и ограничивать моралью экономические стимулы, вырезая здесь, выкраивая там, в соответствии с потребностями и происшествиями.

Я опроверг господина Росси, задав ему простой вопрос: как может быть, чтобы наука не соглашалась сама с собой, наука о богатстве с наукой о долге? Так же я спрашиваю у коммунистов: как может принцип, развитие которого является очевидно полезным, быть одновременно вредным?

Говорят: соревнование — это не конкуренция. Прежде всего я замечаю, что это предполагаемое различие относится только к отклонениям того принципа, который привел к убеждению, что существуют два принципа, из которых он состоял. Соревнование — то же самое, что конкуренция; и поскольку мы погружаемся в абстракции, я охотно сделаю это. Нет соревнования без цели, как нет страстного развития без объекта; и так же, как объект любой страсти обязательно аналогичен самой страсти, женщина — любовнику, власть — честолюбивому, золото — скряге, венок — поэту, так объектом промышленного соревнования обязательно является прибыль.

Нет, продолжает коммунист, объектом соревнования рабочего должна быть общая польза, братство, любовь.

Но само общество, поскольку вместо того, чтобы останавливаться на конкретном человеке, о котором мы сейчас говорим, мы хотим иметь дело только с коллективным человеком, общество, я говорю: работает только ради богатства; благополучие, счастье — его уникальный объект. Как же тогда получается что то, что верно для общества, не верно для индивидуума, поскольку в конце концов общество — есть человек, поскольку все человечество живет в каждом человеке? Как заменить непосредственный объект соревнования, которым в промышленности является личное благосостояние, этот отдаленный и почти метафизический мотив, который называется общим благосостоянием, особенно когда этого не происходит одно без другого, не может быть результатом только одного?

Нет соревнования без цели, как нет страстного развития без объекта; и так же, как объект любой страсти обязательно аналогичен самой страсти, женщина — любовнику, власть — честолюбивому, золото — скряге, венок — поэту, так объектом промышленного соревнования обязательно является прибыль

Коммунисты в целом создают себе странную иллюзию: фанатики власти — это их главная движущая сила, а в данном конкретном случае — коллективное богатство, которое, как они утверждают, порождает в обратном порядке благополучие рабочего, создавшего это богатство: как будто индивидуум существует после общества, а не общество — после него. Кроме того, это не единственный случай, когда мы наблюдаем социалистов, невольно выступающих в традициях режима, против которого они протестуют.

Но на чем настаивать? Как только коммунист меняет названия вещей, *vera rerum vocabula*, он безоговорочно признает свою беспомощность и остается в стороне. Вот почему я скажу в качестве единственного ответа: отрицая конкуренцию, вы отказываетесь от тезиса; теперь вы больше не участвуете в обсуждении. В другой раз мы будем искать, в какой степени человек должен жертвовать собой на благо всех: на данный момент речь идет о решении проблемы конкуренции, то есть о том, чтобы примирить высочайшее удовлетворение эгоизма с общественными потребностями; простите нас за вашу мораль.

Конкуренция необходима для создания стоимости, то есть для самого принципа распределения и, следовательно, для достижения равенства. Пока продукт представлен только одним и уникальным производителем, его реальная стоимость остается тайной, либо сокрытием со стороны производителя, либо небрежностью или неспособностью довести себестоимость до предела. Таким образом, привилегия производства является реальной потерей для общества; а промышленная реклама, как и конкуренция работников — потребностью. Все мыслимые и немыслимые утопии не могут исключить действия этого закона.

Конечно, я не стараюсь отрицать, что труд и заработная плата не могут и не должны быть гарантированы; у меня даже есть надежда, что эра этой гарантии не далека: но я утверждаю, что гарантия заработной платы невозможна без точного знания стоимости, и что эта стоимость может быть обнаружена только путем конкуренции, а не коммунистическими институтами или народным указом. Потому что здесь есть нечто более могущественное, чем воля законодателя и граждан: это абсолютная невозможность для человека выполнить свой долг, как только он освободится от ответственности перед самим собой: однако ответственность перед самим собой, когда речь идет о работе, обязательно подразумевает конкуренцию в отношении к другим. Прикажете, чтобы с 1 января 1847 года работа и заработная плата были гарантированы всем: немедленно громадная остановка заменит кипучую деятельность промышленности; фактическая стоимость быстро упадет ниже номинальной; металлические деньги, невзирая на их изображение и печать, подвергнут испытаниям ассигнации; продавец запросит большее, чтобы поставить меньшее; и мы окажемся в нижнем кругу нищенского ада, в котором конкуренция находится лишь на третьем месте.

Когда я признаю вместе с некоторыми социалистами, что однажды привлекательность труда может послужить пищей для соревнования без мотивации на прибыль, какая польза может быть от этой утопии в фазе, которую мы изучаем? Мы все еще находимся только в третьей эпохе экономического развития, в третьем возрасте организации труда, то есть в период, когда невозможно, чтобы труд был привлекательным. Потому что привлекательность труда может быть только результатом высокого физического, морального и интеллектуального развития работника. Итак, само это развитие, это воспитание человечества промышленностью, — как раз та цель, которую мы преследуем через противоречия социальной экономики. Как же тогда привлекательность труда может служить нам принципом и рычагом, когда она для нас все еще цель и конец?

Но хотя несомненно, что труд как высшее проявление жизни, разума и свободы несет в себе свою привлекательность, я отрицаю, что эта привлекательность когда-либо может быть полностью отделена от мотивов полезности, начиная с эгоистических; я отрицаю, говорю я, труд во имя труда, так же, как я отрицаю стиль для стиля, любовь для любви, искусство для искусства. Стиль для стиля произвел в наши дни облегченную литературу, импровизацию без идей; любовь для любви ведет к педерастии, онанизму и проституции; искусство для искусства заканчивается китайскими поделками, карикатурой, культом безобразного. Когда человек ищет в труде только удовольствие от упражнений, вскоре он перестает работать, он играет. История полна фактов, которые свидетельствуют об этой деградации. Игры Греции, истмийские [172], олимпийские, пифские, немейские, упражнения общества, которое производило все с помощью рабов; жизнь спартанцев и древних критян; гимназии,

палестры, ипподромы и волнения агоры у афинян; занятия, которые Платон назначает воинам в своей республике и которые лишь воплощают вкусы его века; наконец, в нашем феодальном обществе соревнования и турниры: все эти изобретения, а также многие другие, которые я молча пропускаю, — от игры в шахматы, изобретенной, говорят, во время осады Трои Паламедом, до карт, проиллюстрированных для Карла VI Грингоннером, — примеры того, во что превращается труд, как только исключают мотив извлечения пользы. Труд, реальный труд, который производит богатство и дает науку, слишком нуждается в порядке, настойчивости и жертвенности, чтобы долгое время быть товарищем для страсти, дезертиром по своей природе, переменчивым и сбитым с толку; это что-то слишком высокое, слишком идеальное, слишком философское, чтобы стать исключительно удовольствием и наслаждением, то есть мистикой и чувством. Способность работника, которая отличает человека от скота, происходит из глубин разума: как бы это стало в нас простым проявлением жизни, сладострастным актом нашей чувствительности?

Что, если бы сейчас броситься в гипотезу трансформации нашей природы без исторических предшественников, о которой до сегодняшнего дня ничего бы не говорилось: это лишь невразумительная мечта тех, кто ее защищает, — изменение порядка прогресса, опровержение самых определенных законов экономической науки; в любом случае я исключаю ее из обсуждения.

Давайте оставаться в фактах, поскольку лишь факты имеют значение и могут служить нам. Французская революция была совершена как во имя промышленной свободы, так и во имя свободы политической: и то, что Франция в 1789 г. не получила всех последствий принципа, реализации которого она требовала, скажем так, она не обманулась ни в своих желаниях, ни в своих ожиданиях. Любой, кто попытается отрицать это, потеряет в моих глазах право на критику: я никогда не буду оспаривать противника, который в принципе излагал бы спонтанную ошибку двадцати пяти миллионов человек.

В конце восемнадцатого века Франция, уставшая от привилегий, хотела любой ценой стряхнуть оцепенение своих корпораций и поднять достоинство рабочего, дав ему свободу. Повсюду необходимо было эмансипировать труд, стимулировать инженерное дело, возлагать ответственность на промышленность, вызывая тысячу конкурентов и заставляя платить за последствия ее слабости, невежества и недобросовестности. До 1789 г. Франция была готова к переходу; это был Тюрго, который обрел славу управления первым переходом.

Почему тогда, если конкуренция не была принципом социальной экономики, указанием судьбы, необходимостью человеческой души, почему вместо того, чтобы *упразднить* корпорации, владения и юрисдикции, не подумали сначала о том, чтобы все *исправить*? Почему бы вместо революции не довольствоваться реформой? Зачем это отрицание, если модификации может быть достаточно? Тем более что эта партия полностью соответствовала консервативным идеям, разделяемым буржуазией. Пусть коммунизм, как и эта квазисоциалистическая демократия, которые на основе конкуренции представляют, сами того не подозревая, систему среднего уровня, контрреволюционную идею, объяснят мне это единодушные нации, если могут!

Добавьте, что событие подтверждает теорию. Начиная с министерства (кабинета) Тюрго, в

нации проявлялся рост активности и благосостояния. Таким образом, испытание оказалось настолько решающим, что получило поддержку всех законодательных органов: свобода промышленности и торговли включена в наши конституции так же, как и политическая свобода. Именно этой свободе в конечном итоге Франция в течение шестидесяти лет обязана росту своего богатства...

Исходя из этого важного факта, который таким победоносным образом устанавливает необходимость конкуренции, я прошу разрешения процитировать трех или четырех других, которые, с гораздо меньшей общностью, лучше выделяют влияние принципа, который я защищаю.

Почему у нас такое отсталое сельское хозяйство? Почему рутинное и варварское все еще витают в таком большом количестве районов над этим важным направлением труда нации? Среди многих причин, которые можно отметить, я вижу, в первую очередь, дефект конкуренции. Крестьяне отхватывают куски земли: они конкурируют у нотариуса; в полях — нет. И попробуйте поговорить с ними о соревновании, общественном благе, как вы их поразите! — Пусть король, говорят они, король (для них король — синоним общественного благосостояния), пусть король занимается своими делами, а мы — своими! Вот их философия и их патриотизм. Ах! если бы король мог предоставить для них конкурентов! К сожалению, это невозможно. В то время, как в промышленности конкуренция проистекает из свободы и собственности, в сельском хозяйстве свобода и собственность являются непосредственным препятствием для конкуренции. Крестьянин, которому платят не в соответствии с его трудом и умом, а в зависимости от качества земли и благорасположения Бога, думает, в процессе обработки земли, только о том, как бы платить наименьшую заработную плату и делать насколько можно меньшие вложения. Стремясь всегда найти сбыт своим продуктам, он больше озабочен снижением затрат, чем улучшением почвы и качеством продуктов. Он сеет, а Провидение делает все остальное. Единственный вид конкуренции, который известен сельскохозяйственному классу, — это аренда; и нельзя отрицать, что во Франции и, например, в Босе, это принесло полезные результаты. Но так как принцип этого соревнования, так сказать, только вторичный, так как он не исходит непосредственно от свободы и собственности фермеров, эта конкуренция исчезает с причиной, которая ее производит, настолько, что для того, чтобы определить спад сельского хозяйства во многих районах или, по крайней мере, остановить его развитие, было бы достаточно, вероятно, сделать фермеров владельцами...

Другая отрасль коллективного труда, которая в последние годы вызвала бурные дискуссии, — это то, что касается общественных сооружений. «Чтобы руководить строительством дороги, — очень верно говорит г-н Дюнойе, — сапер и фореитор вероятно подошли бы лучше, чем инженер, только что вышедший из школы мостов-и-дорог». Ни у кого не было возможности проверить правильность этого замечания.

На одной из наших самых красивых рек, известных важностью своего судоходства, должен был быть построен мост. С самого начала работ окрестные жители реки заметили, что арки будут слишком низкими, чтобы суда могли циркулировать во время наводнения: они сообщили о своем наблюдении инженеру, отвечавшему за работы. *Мосты*, ответил он с высокомерием, *созданы для тех, кто проходит над ними, а не для тех, кто проходит под ними*. Выражение, ставшее поговоркой в стране. Но поскольку невозможно, чтобы глупость

продолжалась бесконечно, правительство почувствовало необходимость вернуть к работе своего агента, и к моменту, как я это написал, арки моста были подняты. Считается ли, что если бы торговцы, заинтересованные в водном маршруте, отвечали за предприятие на свой страх и риск, выигрывали бы дважды? Мы собрали бы книгу шедевров того же рода, который производит молодежь, обученная строительству мостов-и-дорог, которая, едва выйдя из школы, становится несменяемой, не стимулируемой конкуренцией.

В качестве доказательства промышленного потенциала государства и, следовательно, возможности повсеместной отмены конкуренции приводят управление производством табака. — Там, говорят, ни сложностей, ни судебных процессов, ни банкротств, ни нищеты. Рабочие, удовлетворительно оплачиваемые, образованные, наставленные, высокоморальные, с гарантированной пенсией, образованной их сбережениями, находятся в несравнимо лучшем состоянии, чем подавляющее большинство работников, занятых в другой промышленности.

Все это может быть правдой: что касается меня, я не знаю. Я ничего не знаю о том, что происходит в управлении табачным производством; я не получал информации ни от директоров, ни от рабочих, и мне она не нужна. Сколько стоит табак, проданный администрацией (табачного производства)? Сколько он стоит? Вы можете ответить на первый из этих вопросов: все, что вам нужно сделать, это пойти в главный офис. Но вы не можете сказать мне ничего о втором, потому что у вас нет условия сравнения, потому что вам запрещены контрольные проверки авансовой себестоимости, и, следовательно, нет возможности их принять. Поэтому табачное предприятие, созданное как монополия, обязательно стоит обществу больше, чем приносит; это отрасль, которая вместо того, чтобы существовать от своего собственного продукта, живет за счет дотаций; которая, следовательно, будучи далекой от того, чтобы служить для нас моделью, является одним из первых злоупотреблений, которые должны нанести удар по реформе.

И когда я говорю о реформе, которая будет проведена в табачном производстве, я принимаю во внимание не только огромный налог, который в три или четыре раза увеличит стоимость этого продукта; ни иерархическая организация ее работников, которая делает одних за счет их зарплат аристократами — такими же дорогими, как и бесполезными, а других — безнадежными наемниками, навсегда оставленными в подчиненном положении. Я больше не говорю о привилегиях офисных работников и всего этого мира паразитов, который они заставляют жить: я имею в виду прежде всего полезный труд, труд рабочих. Потому что единственное, в чем административный работник вне конкуренции, — это в том, что он не заинтересован ни в прибыли, ни в убытке, что он не свободен, одним словом, его производительность обязательно меньше, его услуги слишком дороги. Пусть скажут после этого, что правительство хорошо обращается со своими работниками, заботится об их благополучии: где это чудо? Как можно не видеть, что именно свобода несет бремя привилегий и что если, в качестве невозможного, обо всех отраслях промышленности будут заботиться так же, как о табачной, источник дотаций истощится, страна больше не сможет балансировать доходы и расходы, а государство обанкротится?

Импортные товары. — Я цитирую свидетельство ученого, чуждого политической экономии, г-н Либиха. «Раньше Франция импортировала из Испании ежегодно соды на сумму от 20 до 30 миллионов франков; потому что сода из Испании была лучшей. На протяжении всей

войны с Англией цены на соду и, следовательно, на мыло и стекло безостановочно росли. Поэтому французские производства значительно пострадали от такого положения дел. Именно тогда Леблан открыл способ извлечения соды из поваренной соли. Этот процесс стал для Франции источником богатств: производство соды получило необычайное расширение; но ни Леблан, ни Наполеон не воспользовались преимуществом изобретения. Реставрация, которая извлекла выгоду из гнева населения против автора континентальной блокады, отказалась исполнить долг императора, чьи обещания спровоцировали открытие Леблана...»

«Когда несколько лет назад король Неаполя предпринял преобразование в монополию торговлю серой на Сицилии, Англия, которая потребляет огромное количество этой серы, предупредила о возможности объявления войны королю Неаполя, если монополия будет поддержана. В то время, как два правительства обменивались дипломатическими нотами, в Англии было получено пятнадцать патентов на изобретения по извлечению серной кислоты из гипсов, железных пиритов и других минеральных веществ, которыми изобилует Англия. Но, поскольку дело с королем Неаполя было улажено, внедрение не состоялось: оставалось лишь понимание, что в соответствии с проведенными испытаниями за новыми процессами извлечения серной кислоты последовал бы успех: что, возможно, уничтожило бы торговлю, которую Сицилия сделала с этой серой».

Уберите войну с Англией, уберите фантазию о монополии короля Неаполя, и долгое время во Франции никто бы не подумал добывать соду из морской соли; в Англии — извлекать серную кислоту из горного гипса и пирита, в которых она содержится. Тем не менее, это именно действие конкуренции в промышленности. Человек выходит из своей лени только тогда, когда нужда заставляет его; и самый верный способ погасить в нем интеллект — избавить его от всяких забот, отобрать у него соблазн прибыли и вытекающую из этого социальную разницу, создав вокруг него *мир во всем мире, мир всегда*, и перенести на плечи государства ответственность за его инертность.

Да, нужно это сказать, несмотря на современный квиетизм (Течение в католицизме. — А.А. А-О.): жизнь человека — это постоянная война, война с потребностями, война с природой, война с себе подобными, следовательно — война с самим собой. Теория мирового равенства, основанная на братстве и самопожертвовании, является лишь подделкой католической доктрины об отказе от благ и удовольствий этого мира, принцип подлога, панегирик нищете. Человек может любить себе подобного до самой смерти; он любит его, пока не нужно работать на этого ближнего.

К теории самопожертвования, которую мы только что опровергли по факту и по закону, противники конкуренции подставляют другую, прямо противоположную первой: поскольку законом разума является его стремление игнорировать истину, которая является точкой его равновесия, он колеблется между двумя противоречиями. Эта новая теория антиконкурентного социализма — теория поощрения.

Что может быть более общественно полезным, более прогрессивным по внешнему виду, чем поощрение труда и промышленности? Нет демократа, который не делает его одним из самых прекрасных атрибутов власти; нет утописта, который не считает его на передовой среди средств организации счастья. Однако правительство по своей природе настолько не

способно руководить работой, что любое вознаграждение, которое оно предоставляет, является настоящей мелкой кражей из общей кассы. Г-н Рейбо предоставит нам текст этого обобщения.

«Премии, выделяемые для поощрения экспорта, наблюдает где-то г-н Рейбо, эквивалентны уплате пошлин за импорт сырья; выгода остается абсолютно нулевой и служит лишь стимулом для обширной системы контрабанды».

Этот результат неизбежен. Исключите вступительный налог — национальная промышленность пострадает, как мы видели ранее в случае с кунжутом; поддержите налог, не предоставляя никакой премии для экспорта, — внутренняя торговля будет побеждена на внешних рынках. Чтобы избежать этой неприятности, вы вернетесь к премии? Вы лишь вернете одной рукой то, что отдали другой, и вы спровоцируете мошенничество, последний результат, *caput mortuum* (Дословно переводится как «мертвая голова» (лат.); в данном контексте, скорее, означает «окончательная капитуляция». — А.А. А-О.) всей поддержки отрасли. Из этого следует, что любое поощрение работы, любая компенсация, выделяемая отрасли, кроме естественной цены продукта, является бесплатным подарком, взяткой, отобранной у потребителя и предложенной от его имени фавориту власти в обмен на ноль, ни за что. Поощрение отрасли, таким образом, является синонимом поощрения лени: это одна из форм мошенничества. В интересах нашего военно-морского флота правительство полагало, что оно должно дать подрядчикам-перевозчикам премию (бонус) за человека, занятого на их судах. Однако я продолжаю цитировать господина Рейбо. «Каждое судно, которое отправляется в Ньюфаундленд, принимает на борт от 60 до 70 человек. Из этого числа 12 матросов: остальные — жители деревни, оторванные от сезонных работ, которые, будучи нанятыми в качестве поденщиков для приготовления рыбы, остаются чужими в управлении, от моряков у них лишь ноги и желудок. Однако эти люди появляются в судовой роли [173], где узаконивают обман. Когда дело доходит до защиты института премий (бонусов), их выставляют для учета, они увеличивают численность и способствуют успеху».

Это отвратительное жонглирование! воскликнут, несомненно, некоторые наивные реформаторы. Ладно: проанализируем факт и попытаемся извлечь отсюда общую идею, которая здесь находится.

В принципе, единственный стимул для труда, который может принять наука, — это прибыль. Ибо, если труд не может найти в своем собственном продукте свое вознаграждение, то к тому, что он не стимулируется, от него следует отказаться как можно скорее, и если за этим трудом следует чистый продукт, то абсурдно добавлять бесплатный подарок в этот чистый продукт, тем самым переоценивая стоимость услуги. Применяя этот принцип, я говорю: если служба торгового флота требует только 10,000 матросов, то не следует заставлять ее содержать 15,000; самое простое для правительства — отправить на борт 5,000 призывников на государственные корабли и заставить их составить, как принцев, свои караваны. О чем я говорю? Любое поощрение торгового флота — это прямое приглашение к мошенничеству. Предложение зарплаты за невозможную услугу. Учитывают ли управление (судном), дисциплина, все условия морской торговли эти добавления бесполезного персонала? Что может сделать судовладелец перед лицом правительства, которое предлагает ему непредвиденную возможность захватить на борт людей, в которых он не нуждается? Если министр выбрасывает на улицу сокровища, я виноват в том, что забираю

их?... Таким образом, кое-что заслуживает внимания, теория поощрения происходит непосредственно из теории жертвы; и чтобы не желать, чтобы человек был ответственным, противники конкуренции из-за фатального противоречия их идей вынуждены делать человека иногда божеством, иногда животным. И тогда они удивляются, что общество не откликается на их призыв! Бедные дети! люди никогда не будут лучше или хуже, чем вы их видите, и какими они будут всегда. Как только их привлекают особые блага, они оставляют беспокойство об общем благе: в этом я нахожу их если не честными, то хотя бы достойными оправдания. Это ваша вина, что иногда вы требуете от них большего, чем они должны вам, а иногда вы возбуждаете их жадность наградами, которых они не заслуживают. У человека нет ничего более ценного, чем он сам, и поэтому нет другого закона, кроме его ответственности. Теория самопожертвования, как и теория наград, является теорией мошенников, извращающей общество и мораль; и только поэтому вы ожидаете от жертв или привилегий поддержания порядка, вы создаете в обществе новый антагонизм. Вместо того, чтобы создавать гармонию свободной деятельности людей, вы делаете человека и государство чужим друг другу; командуя союзом, вы вызываете раздор.

Таким образом, вне конкуренции остается только эта альтернатива: поощрение, обман; или жертва, лицемерие.

Таким образом, конкуренция, анализируемая в своем принципе, является источником справедливости; и все же мы увидим, что конкуренция в ее результатах несправедлива.

Версия #1

Зверобой создал 14 марта 2025 02:57:18

Зверобой обновил 14 марта 2025 02:57:51